

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ

А.В. Пронькина

КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ДИХОТОМИИ: ФЕНОМЕН МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Предметом исследования является эволюция воззрений на феномен массовой культуры в рамках отечественного культурфилософского дискурса XIX-XXI вв. Автор подробно рассматривает представленные концепты с точки зрения их исторической обусловленности, дифференцированности, парадигмальности, результативности. Особое внимание уделено современному состоянию проблемы. Так как без целенаправленного, чёткого и методологически ориентированного определения границ и содержательных пластов культуры невозможно ни дальнейшее развитие отечественной научной мысли, ни наиболее эффективное существование самой России в условиях этой современности. В данной связи методологической основой исследования становятся теоретические построения и осмысления феномена массовой культуры в отечественной философии и культурологии. Новизна исследования заключается, прежде всего, в том, что аналитика не концентрируется на каком-то одном этапе культурной рефлексии феномена, а строится на последовательном (в том числе и сравнительном) понимании его специфики в рамках дотерминологического и собственно терминологического периодов, включающих чуть более 200 лет.

Ключевые слова: философия культуры, массовая культура, современная культура, отечественный культурфилософский дискурс, русская философия, отечественная культурология, модели массовой культуры, концепции массовой культуры, эволюция представлений, теория культуры.

Abstract. The subject of this research is the evolution of attitudes upon the phenomenon of mass culture within the framework of the Russian cultural and philosophical discourse of the XIX-XXI centuries. The author considers the presented concepts from the perspective of their historical conditionality, differentiation, paradigm, and effectiveness. Special attention is paid to the modern status of the problem. Without the dedicated, detailed, and methodologically-oriented determination of boundaries and conceptual cultural layers, the further development of the Russian scientific thought alongside the more efficient existence of Russia itself is impossible in the modern circumstances. Due to this fact, this research is based on the theoretical constructs and reasoning of the phenomenon of mass culture within the Russian philosophy and culturology. The scientific novelty first and foremost consists in the fact that analytics does not focus on a certain stage of cultural reflection of the phenomenon, but is built on the gradual (including comparative) understanding of its specificity in the context of pre-terminological and precisely terminological periods that cover just over 200 years.

Key words: models of mass culture, Russian cultural studies, Russian philosophy, Russian cultural and philosophical discourse, modern culture, mass culture, philosophy of culture, concept of mass culture, evolution of ideas, theory of culture.

Наиболее изученная зарубежная (в основном европейская) философия «кризиса» культуры и её трансформации представлена значительным количеством персоналий и «сумм» научных достижений, которые сегодня обозначают одновременно и основы теории становления массовой культуры в пространстве современности, и те исследовательские ракурсы, изначально задающие критический подход и

определённую трактовку явлений, попадающих в её феноменологию. Вместе с тем, идейный и идеологический характер осмысления культурной проблематики рубежа XIX-XX вв. в рамках различных этнокультурных миров и цивилизаций не только неоднороден, но зачастую выстроен на совершенно отличных друг от друга мировоззренческих основаниях. Конечно, некоторые схожие базисы теоретической рефлексии можно обнаружить и

в отечественной культурфилософии того времени, тем не менее, её специфика была генетически определена как самим фактом образования научной мысли, способами и направлениями её существования, так и тем историко-культурным контекстом, сформировавшемся в России в предреволюционный и революционный периоды. Культурфилософские дихотомии западничества, славянофильства, подвижничества, почвенничества, народничества, иных отечественных проявлений социализма и марксизма наглядно описывают проблему противостояния Запада и Востока, веры и разума, личности и общества, науки и религии, государства и свободы, этического и эстетического, интеллигенции и народа, элиты и массы.

При этом, как справедливо отмечает Ю.М. Лотман, «европеизм» в различных его проявлениях исходил из представления о том, что «“русский путь” – это путь, уже пройденный “более передовой” европейской культурой. Правда, в самом начале он включал в себя характерное дополнение: усвоив европейскую цивилизацию и встав на общий европейский путь, Россия, как неоднократно повторяли представители разных оттенков этого направления, пойдёт по нему быстрее и дальше, чем Запад. От Петра до русских марксистов настойчиво проводилась мысль о необходимости “догнать и перегнать...”». Овладев всеми достижениями западной культуры, Россия, как полагали адепты этих концепций, сохранит глубокое отличие от своего “побежденного учителя”, преодолет взрывом тот путь, который Запад совершил постепенно и, с точки зрения русского максимализма, – непоследовательно» [9]. «Русизм» (имеются в виду многочисленные общественно-политические течения), напротив исконно тяготеет к сращиванию и возвращению российского общества под знаменами самобытности народа и первостепенной уникальности пути развития государства – «народ, как отмечает А.М. Горький, – не только сила, создающая все материальные ценности, он – единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них – историю всемирной культуры» [1]. Народ в данном ключе мыслится как носитель генетического и культурного кода, духовности и, что немаловажно для исследователей того времени, религиозности. Народная культура выступает той аутентичной средой, в которой находят отражения многовековые обыденные практики простых людей, источником идей, средством обращённости к первоисточкам. Именно с этих идеологических убеждений

в теории начинает формироваться «Русская идея», а в практике – противостояние либерализма и социализма, социализма и капитализма, монархии и «народной воли», буржуазии и пролетариата.

Фактически краеугольным событием начала идеологического преодоления социокультурной пропасти между господствующими классами и простонародьем стала победа всего русского и всех других народов многонациональной России в войне 1812 г. Патриотические настроения вызывали в умах просвещённого населения недоумение и непонимание свершившегося – как случилось так, что все сословия, невзирая ни на что, смогли объединиться и дать отпор Наполеону, покорившему почти всю Европу? Недоумение и непонимание, приведшее к тому, что постепенно начинается процесс переосмысления России как «Руси», как государства с великой национальной историей, как государства, в котором возможно преодоление социального рассогласования во имя общего благоденствия и справедливости. В связи с этим существенной критике подвергается государственная социальная политика, которая, начиная с Петра I, выстраивает строгие рамки для каждой группы населения страны, при этом усиливая не только социальную стратификацию, но и (что чрезвычайно важно) жёсткую культурную дифференциацию – передовой становится дворянская (т.н. элитарная) культура, организуемая в значительной степени по европейскому образцу, а отчуждённое от неё трудовое население продолжает сохранять и развивать народную традицию. Подобный социокультурный «раскол», «расщепление» в течение более чем двух столетий «чётко и планомерно подготавливает» объективную неотвратимость: дворянского декабристского движения; формирования в 40-е гг. идеологии западничества и славянофильства; реформ 60-70-х гг. императора Александра II (прежде всего, отмена крепостного права, земская реформа, введение сословных органов городского управления, судебная реформа, реформа системы народного образования); бурного развития национальной общественной мысли (в том числе и радикальной) 50-х гг. XIX – первой четверти XX вв.; расцвета национальной литературы, театра, музыки, живописи; становления отечественной научной школы; и, в конце концов, трёх последующих революций.

Тема народного (общенародного) становится главенствующей во всех областях социальной и культурной практики, а границы духовного поиска гуманитарных преобразований простираются от «Золотого» до «Серебряного века» российской истории в контексте обновления национального

самосознания и стремления к установлению «социальной правды», справедливого общественного устройства. В связи с этим особый исследовательский интерес представляют работы Я.В. Абрамова, И.С. Аксакова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Л.Н. Войтоловского, А.М. Горького, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, Л.П. Карсавина, П.А. Кропоткина, П.Л. Лаврова, В.И. Ленина, К.К. Леонтьева, А.Ф. Лосева, Н.О. Лосского, Л.И. Мечникова, Н.К. Михайловского, Г.В. Плеханова, М.П. Погодина, В.В. Розанова, В.С. Соловьёва, Н.Н. Страхова, Л.Н. Толстого, С.Л. Франка, А.С. Хомякова и многих других представителей общественной мысли. В них ключевые события и факты, характеризующие положение России второй половины XIX – начала XX вв., подвергаются не столько повествовательной или аналитической дескрипции, сколько служат отправной точкой для изменения существующих социокультурных реалий. Всё чаще слышны призывы к осознанному и самостоятельному выбору пути России, определению дальнейших векторов её развития. Ответы на «вызовы времени» обнаруживаются в совершенно различных, иногда противоположных, плоскостях и реализуют, прежде всего, идеи реакционной модернизации страны, зависимой от многих внутренних и внешних факторов.

Тем временем российская действительность уже вплотную подходила к переходу на капиталистический путь развития, а кризис феодализма обнаруживал себя повсеместно. Поражение в Крымской войне, общее обнищание народных масс, крестьянские волнения, политическая и экономическая отсталость государства не только не способствовали популяризации подобных взглядов, но и «по кирпичику» разлагали созданную С.С. Уваровым триаду «Православие. Самодержавие. Народность», время от времени отсекая всё «лишнее». Первой пала народность в варианте крепостного права. Однако определённые надежды на разумно проведённые реформы что называется «сверху» вызвали множество противоречий и приводили к дальнейшему рассогласованию государевой и общественной мысли о планах и перспективах модернизации.

Последовавшие «Кровавое воскресенье», революционные события 1905 г., Русская революция 1917 г., Гражданская война приводят к формированию Союза советских социалистических республик на уровне государства, развитию диктатуры пролетариата и идеологии социализма как базовых социально-культурных, политических и экономических элементов. В послереволюционной России и СССР в процессе смены общественно-политическо-

го строя также наблюдается популяризация идей народности и коллективности, тем не менее, в данный период категории «масса», «массовость» приобретают исключительно позитивные оттенки, соответствующие надстраиваемой идеологии. Массы становятся народными, а народ мыслится как масса, т.е. происходит своего рода сращивание двух культурных миров – объективно существующей народной и зарождающейся массовой форм культуры. При этом в противовес европейской доминанты (массовая культура в капиталистических условиях) складывается и особая её разновидность – социалистическая модель массовой культуры.

В свою очередь осмысление обозначенных процессов закономерно распадается на два направления: реакционно-критическое и революционное социал-демократическое. Эти направления преследовали общую цель – модернизация государства, общества, культуры под «знаменами свободы», но свобода для первого означала духовное возрождение человека и его главенство над стихийными общественно-политическими и культурными перестройками, для второго – изменение человека становилось лишь следствием необходимой радикальной реструктуризации. В итоге, первому суждено было создать так называемый «теоретический фундамент духовной эволюции» России, второму – адаптировать диалектико-материалистическое мировоззрение к условиям зарождения новой общественной формации с опорой на жёсткую революционную практику. В то же время, и реакционная, и революционная позиции русской интеллигенции по вопросу соотношения коллективного и индивидуального в процессе совместной жизнедеятельности людей в обществе и государстве составляли одну из значимых концептуальных прорех, вытекающих, возможно, из самой русской ментальности («отсутствие середины»). В итоге не было создано ни одной жизнеспособной идейной платформы, объединившей бы эти перспективные проблемы как на уровне теории, так и на уровне социальной практики; а победивший в результате идейного противостояния революционный социализм не просто подчинил личность обществу, но и породил один из наиболее ярких примеров тоталитарного мироустройства.

Концептуальные основы социалистической модели массовой культуры в условиях индустриального развития в основном можно свести к следующему: учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина как идеологический базис строительства новой общественной формации, где материализм – движущая сила исторического развития, Советский Союз – наднациональное

государство рабочих и крестьян (пролетариата), советское общество – целостное общество без антагонистических классов, главный вектор развития – строительство коммунизма, советский человек – высокоразвитая моральная личность, ведущая активную общественную и трудовую деятельность, заботящаяся о сохранении и приумножении общественного достояния. Советская идеология изначально строилась как массовая, т.е. как генетически связанная с широкими кругами трудящегося населения. Например, в лекциях «Об основах ленинизма» И.В. Сталина [11], прочитанных в Свердловском университете, термин «масса» и производные от него упоминаются 117 раз в контексте фиксации социальной общности с упором на её количественную, а не качественную составляющую: «революционная борьба масс», «революционное восстание масс», «подготовка масс к революционной борьбе», «подготовка масс к пролетарской революции», «сплотить вокруг себя громадное большинство трудящихся масс», «для подъёма культурного уровня трудящихся масс», «практика революционной борьбы масс», «борьбой пролетарских масс», «средством мобилизации и организации широчайших масс пролетариата», «в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения», «партия подымала массы до уровня сознательности», «угнетённых и эксплуатируемых масс», «за участие “непролетарских народных масс”», «самые отсталые массы», «широкая масса мелкой буржуазии», «ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе», «трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями», «всеобъемлющими массовыми организациями пролетариата», «авангард масс», «творческие способности масс в борьбе», «политического просвещения и революционного воспитания масс», «орудия обмана масс», «подниматься массовое настроение», «безграмотным массам России» и т.д. Положительной оценке соответствуют революционные, трудящиеся, пролетарские массы, нейтральной или негативной – «непролетарские», буржуазные, угнетённые, эксплуатируемые массы. Качественные свойства масс зависят от их социального и идеологического мировоззрения.

Массы мыслятся субъектом коммунистического строительства, объектом управления через просвещение, воспитание, курирование их жизнедеятельности. Подлинные массы – пролетарские – имеют истинно творческий характер. Только они способны к преобразованию «своей старой организации, видоизменяя условия её деятельности, но сохраняя её направление, её идейно-политиче-

ские основы и содержание деятельности» [7, с. 30]. Более того, как утверждает Ленин, «раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого – просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, – и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил? И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления» [8, с. 289]. В итоге подлинная масса не сводится к понятию «широкого слоя» («Это – неразвитые пролетарии и мелкие буржуа, полные предрассудков мецанских, националистических, реакционных, клерикальных и проч. и проч.» [8, с. 199]), рассматривается как оппозиция интеллигентской группе («Только против этих групп, группок и группочек складывается (в тяжёлой борьбе, неизбежной при буржуазной обстановке и тьме мелкобуржуазных шатаний) действительное единство рабочих масс, руководимых большинством сознательных пролетариев» [8, с. 253]); должна быть не просто партийно организована, а политически просвещена, так как, по мнению Ленина, «политику в серьёзном смысле слова могут делать только массы, а масса беспартийная и не идущая за крепкой партией есть масса распыленная, бессознательная, не способная к выдержке и превращающаяся в игрушку ловких политиканов» [8, с. 66].

В то же время, как массовую культуру формирующейся страны советов терминологически не обозначали, она именовалась социалистической, социал-демократической, пролетарской. При этом первостепенно подчёркивался ещё интернациональный характер, в котором виделась возможность разрешения вековых классовых противоречий. Из этой ленинской формулы выводится и понимание двух противоположных типов культуры – массовой социалистической и «массовой» буржуазной – и в отечественной науке. В многочисленных публикациях буржуазная модель обозначается как массовая лишь в кавычках, что подчёркивает условность подобного наименования. Массовая культура в СССР – это культура народа, массовая культура за рубежом – это «растлевающая» буржуазная «псевдодемократическая» культура. Она не выражает интересов трудящихся, делает из них пассивных потребителей, нивелирует личность. Данную линию поддерживали многие

отечественные теоретики, крупнейшими среди которых можно назвать Г.К. Ашина, З.И. Гершковича, Е.Н. Карцеву, А.В. Кукаркина, В.П. Шестакова. Массовая культура здесь рассматривается как основа буржуазного общества, как способ «оболванивания масс», отвлечения их от действительности, подчинения их буржуазной идеологии. В качестве предмета исследования ими избирается в основном культурная платформа Соединённых Штатов Америки, так как именно американская культура считалась в то время наиболее буржуазной как по складу, так и по содержанию.

Согласно воззрениям советских учёных, в частности, Е.Н. Карцевой, само название «массовая культура» по отношению к культуре западно-европейских стран не является точным, ведь «речь идёт не столько о количественном определении, сколько о качественном содержании этого понятия. <...> ... гораздо точнее было бы назвать её “потребительская культура”... <...> Ибо главным и определяющим показателем “массовой” культуры является её товарность» [2, с. 5]. Истинная массовость здесь понимается как идеологическая ориентация и активная социальная позиция человека и общности, которая отсутствует в рамках капиталистического мира, регламентируемого идеями, целями и ценностями правящего класса – буржуазии. Отсюда две основополагающие концепции, разработанные зарубежными теоретиками «массовой культуры», – «адекватность массовости и народности и примат развлекательности над идейностью» [2, с. 5] – считаются ложными и свидетельствуют о манипулятивной сущности и скрытой идеологической обработке массового сознания.

Конечно, подобное рассмотрение феномена было обусловлено отечественной исторической событийностью, однако и в столь критической научной трактовке содержится значительное количество весомого фактического материала, который оправдывает основные аспекты современных теоретических разработок феномена массовой культуры в России. И вполне закономерно, что в рамках постсоветского философско-культурологического знания с 90-х гг. XX в. начинается процесс постепенной «реанимации» и «реабилитации» идеи восприятия и изучения массовой культуры как категории и как феномена, не допускающих однолинейной, однозначной и инвариантной трактовки. Вместе с тем, и сегодня не редки критические трактовки, традиционно фиксирующие внимание на негативных аспектах онтологического статуса массовой культуры.

Однако массовая культура – это уже не фикция, не эрзац-продукт, а довольно автономная фор-

ма культурного бытия современного общества. Её внутреннее строение, функции, артефакты часто совершенно неподвластны определённым эстетическим и философским критериям, так как уровень её художественности (или антихудожественности), культурсообразности («антикультурности») не может быть оценён однозначно. Лишь историческая практика показывает, что действительно имеет свою культурную ценность, а что нет, так как именно сменяющиеся поколения людей радикальным опытным путём «отсеивают» из культурного наследия «всё лишнее», не принимая во внимание ни степень распространения тех или иных её «продуктов», ни их успех или известность. Отсюда популярность не есть величина постоянная и не может адекватно характеризовать исследуемый нами феномен, так как она не зависит в полной мере от степени художественности или общечеловеческой значимости в отличие от корректирующего критерия времени.

Следовательно, закономерно – всё большее количество учёных сходится во мнении, что массовая культура заслуживает более глубокого и объективного внимания исследователя, учитывающего все исторические и социальные перипетии развития человеческого сообщества, её структурно-морфологические контуры, феноменологическую базу и онтологические практики. Тем не менее, согласимся с А.В. Костиной в том, что «и сегодня количество исследований, авторы которых придерживаются данной парадигмы, можно исчислять единицами» [6]. Прежде всего, это сама А.В. Костина, А.В. Захаров, Е.Г. Соколов, К.Э. Разлогов и некоторые другие авторы, чьи отдельные работы посвящены изучению различных теоретико-эмпирических граней феномена массовой культуры (к примеру, А.Я. Флиер, А.В. Захаров и др.).

В частности, А.В. Костина следующим образом определяет когнитивные пределы исследования проблемы – «под массовой культурой нами понимается особый тип культуры, возникающий на достаточно высокой ступени исторического развития общества определённого типа, как особая форма, которую неизбежно принимает культура, развивающаяся в границах массового индустриального общества, характеризующегося не только крупным машинным производством, фабричной организацией труда, свободной торговлей и общим рынком, но и урбанизацией, массовизацией, маргинализацией, усилением процессов миграции и нарушением таких способов трансляции культуры, как традиция, разрушением классовых монолитов, и как следствие – повышенной социальной мобильностью, где наследственные привилегии

уступают место равенству возможностей. <...> Она задаёт всем иным типам культуры существующим в условиях постиндустриального общества, в том числе, и элитарной, и народной, определённый тип регуляции, который проявляется в том, что любой продукт творческой деятельности включается в активную культурную циркуляцию только через аппарат массовой культуры, так как любой артефакт в потребительском обществе становится ценностью, если он является продуктом массового потребления» [4, с. 18-19].

Крайне интересна в обозначенном контексте идея автора о том, что алгоритм развития основных типов (форм) культуры – традиционной, элитарной, массовой – задаётся их функциональной природой, где традиционная культура выступает как механизм сохранения социокультурной информации, элитарная – как механизм производства новых значений и смыслов культуры, массовая – как механизм стабилизации социальных структур [3]. Отсюда следует, что содержательно традиционная, элитарная, массовая культуры различаются по различной степени настроенности на соотношение производства, воспроизводства и творчества, где: традиционная культура может считаться системой воспроизводства с минимальной творческой компонентой, позволяющей пусть и медленное, но поступательное её развитие; элитарная культура презентуется как инновативная система, предполагающая наличие ярко выраженной индивидуальности в виде субъекта творчества; массовая культура – адаптационная структура, ориентированная на воспроизводство в существенно ослабленной форме тех смыслов, которые рождены в рамках элитарной культуры [5]. В итоге социокультурное значение феномена массовой культуры сводится лишь к пассивной адаптации, воспроизводству в существенно ослабленной форме тех смыслов, которые рождены в рамках элитарной культуры. А сама массовая культура рассматривается как один из типов (форм) культуры, существующих в ситуации постиндустриального развития обществ. Представленный концепт мыслится не лишённым смысла, тем не менее, он фактически вводит предмет дискуссии в весьма ограниченные теоретико-методологические рамки, анализирующие массовую культуру как социальную потребительскую технологию или сумму социальных технологий пассивно адаптирующих, банально воспроизводящих и потребляющих культурную реальность современности.

Объективизация настоящих и будущих исследований проблемы «массового» и массовой культуры, невозможна также и без учёта уже имеющегося

профильного документного потока научных данных, выраженных в различных формах репрезентации результатов когнитивной деятельности отечественных учёных, базовой из которых является диссертационное исследование, преследующее в качестве итогового результата не столько присуждение учёной степени, сколько глубокую проработку конкретной проблемы в рамках чётко определённых пределов феномена. На данный момент зафиксировано 74 уникальных диссертационных исследования, проведённых российскими учёными в период с 2000 г. по 2015 г. Соотношение количества диссертаций по различным специальностям свидетельствует о том, что изучаются главным образом: гносеологические и феноменологические основания массовой культуры как социокультурного феномена; исторические аспекты в становлении и развитии (динамике) массовой культуры как базового формообразующего элемента современности; антропологические вопросы современной массовой культуры как на уровне коллективного освоения и преобразования действительности, так и в пространстве индивидуального взаимодействия отдельной личности с обществом и культурой; социальные основания массовой формы культуры; национальные специфики бытия массовой формы культуры в различных этнокультурных мирах; текстология и герменевтика массовой культуры; педагогические и психологические аспекты массовой культуры. Подобное многообразие научных ракурсов рассмотрения массовой культуры в очередной раз указывает не только на многомерность самого феномена, но и на возможность (востребованность) его изучения при использовании методологических принципов различных гуманитарных наук, а также на стыке их междисциплинарных областей [10].

Наряду с этим, массовая культура активно включена в полемическое пространство гуманитарного знания средствами конференций, симпозиумов, семинаров, иных форм научного сотрудничества. Наиболее известными и авторитетными коллективными работами считаются «Массовая культура России конца XX века (фрагменты к ...)» (2001), «Массовая культура и массовое искусство: “за” и “против”» (2003), «Массовое сознание и массовая культура в России: история и современность» (2004), «Массовая культура на рубеже веков» (2005), «Массовая культура: современные западные исследования» (2005), «Аксиология массовой культуры» (2014). В них предпринимаются попытки осмысления различных дискуссионных вопросов, связанных с культурфилософским анализом массового общества, феноменологией и

антропологией массовой культуры. Более того, дискурс массовой культуры включён и в образовательную практику. Имеют место подкреплённые учебной литературой факультативные курсы для школьников, дисциплины и курсы по выбору для учащихся ссузов и вузов. В частности, обязательное изучение массовой культуры определено ФГОС ВПО для направления подготовки 033000 «Культурология» (уровень бакалавриата) в рамках реализации Модуля современных культурных форм и практик профессионального цикла (базовая общеобразовательная часть) [12, с. 15].

Таким образом, подводя итог рассмотрения феномена массовой культуры в отечественных исследованиях, можно сделать следующие выводы.

В формировании первоначального дискурса массовой культуры большую роль играли те специфические исторические обстоятельства, сложившиеся в России в XIX – начале XX столетия. Момент выбора социокультурного и экономико-политического вектора в дальнейшем развитии государства разделил общественную мысль на несколько противоположных «лагерей», что послужило основой для создания многочисленных оригинальных концепций видения прошлого, настоящего и будущего России. Особое место в данном контексте занимает социалистическая ориентация воззрений, основывающаяся на стремлении к установлению «социальной правды», справедливого общественного устройства, предполагающая отмену крепостничества и тотальное просвещение народных масс. Складывающийся облик российской интеллигенции базируется уже не только на активной публицистической деятельности, но и на эффективной практической деятельности «на местах».

Представители наиболее прогрессивных направлений общественной мысли конца XIX – начала XX вв. – реакционно-критического и революционного социал-демократического – исходили из общих целей, но по-разному осмыслили перспективы выхода из ситуации кризиса. В результате, первому удалось создать так называемый «теоретический фундамент духовной эволюции» России, второму – адаптировать диалектико-материалистическое мировоззрение к условиям зарождения новой общественной формации с опорой на жёсткую революционную практику и тоталитаризм.

Советская идеология изначально строилась как массовая, т.е. как генетически связанная с широкими кругами трудящегося населения. При этом масса не становилась категорией безликой фиксации множества. Различаются массы подлинные и «непролетарские», буржуазные и эксплуатируемые. Подлинные массы мыслятся активным

субъектом коммунистического строительства (отсюда и присущее им творческое начало), объектом управления через просвещение, воспитание, курирование их жизнедеятельности. Терминологически как массовую культуру формирующейся страны советов не обозначали, она именовалась социалистической, социал-демократической, пролетарской, тем не менее, её массовый характер подчёркивался повсеместно.

Так называемое учение В.И. Ленина «о двух культурах» приводит к развитию идеи существования двух противоположных типов культуры – массовой социалистической и «массовой» буржуазной. При этом, исходя из факта ложности всякой буржуазной массы, массовой она считается лишь номинально. Массовая культура в СССР – это культура народа, массовая культура за рубежом – это «растлевающая» буржуазная «псевдодемократическая» культура. Подобная трактовка приводит к реализации значительного количества исследований, тем или иным образом подвергающих критике условия жизнедеятельности человека в пространстве капиталистического строя. Основываясь на теоретическом и феноменологическом материале европейских стран, учёные доказывают несостоятельность именованной такой культуры как массовой, её антигуманный и антисоциальный смысл.

В рамках постсоветского философско-культурологического и социального знания с 90-х гг. XX в. начинается процесс постепенной «реанимации» и «реабилитации» идеи восприятия массовой культуры и её изучения как категории и как феномена, не допускающего однозначной трактовки. Средствами разных методологий учёные стремятся понять истинную природу явления, его сущность, морфологию, типологию и принципы динамики. Тем не менее, и сегодня не редки примеры негативно-критической однолинейной оценки массовой культуры и массового общества.

В настоящее время разработки феномена массовой культуры всё ещё не теряют актуальности и социокультурной значимости. Как показано, он становится предметом отдельных научных исследований (монографии, диссертации), коллективных изысканий (конференции, симпозиумы, монографии), входит в пространство образования (на уровне школ, ссузов и вузов). Прежде всего, такое положение дел свидетельствует о принципиальной важности определения границ современности не только для возможности дальнейшего развития отечественной научной мысли, но и, что первостепенно, для наиболее эффективного существования самой России в условиях этой современности.

Список литературы:

1. Горький А.М. Разрушение личности // Максим Горький: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю.В. Зобнина. СПб.: РХГИ, 1997. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0420.shtml (дата обращения: 21.07.2016).
2. Карцева Е.Н. Идеино-эстетические основы буржуазной «массовой культуры». М.: Знание, 1976. 112 с.
3. Костина А.В., Флиер А.Я. Культура между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. М.: Согласие, 2010. 680 с.
4. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Букинист, 2013. 352 с.
5. Костина А.В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М.: УРСС, 2010. 144 с.
6. Костина А.В. Традиционная, элитарная и массовая культуры. Концептуальные подходы к исследованию. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-233993.html> (дата обращения: 21.07.2016).
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. Сентябрь 1913 – март 1914. М.: Изд-во политической литературы, 1973. 568 с.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 600 с.
9. Лотман Ю.М. Современность между востоком и западом // Знамя. 1997. № 9. URL: <http://philology.ru/literature2/lotman-97.htm> (дата обращения: 21.07.2016).
10. Пронькина А.В. Феномен массовой культуры в диссертационных исследованиях (2000-2015 гг.): библиометрический анализ // Общество: философия, история, культура. 2016. Вып. № 4. С. 127-129.
11. Сталин И.В. Об основах ленинизма // Сталин И.В. Соч. Т. 6. М.: ОГИЗ; Государственное изд-во политической литературы, 1947. С. 69-188. URL: http://www.great-country.ru/content/lib/stalin_sobr/6-14.htm (дата обращения: 21.07.2016).
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования для направления подготовки 033000 «Культурология» (уровень бакалавриата). Утвержден приказом Министерства образования и науки РФ № 71 от 25 января 2010 г.

References (transliterated):

1. Gor'kii A.M. Razrushenie lichnosti // Maksim Gor'kii: pro et contra / Vstup. st., sost. i primech. Yu.V. Zobnina. SPb.: RKhGI, 1997. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0420.shtml (data obrashcheniya: 21.07.2016).
2. Kartseva E.N. Ideino-esteticheskie osnovy burzhuaznoi «massovoi kul'tury». M.: Znanie, 1976. 112 s.
3. Kostina A.V., Flier A.Ya. Kul'tura mezhdru rabstvom kon'yunktury, rabstvom obychaya i rabstvom statusa. M.: Soglasie, 2010. 680 s.
4. Kostina A.V. Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva. M.: Bukinist, 2013. 352 s.
5. Kostina A.V. Sootnoshenie traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sotsiokul'turnoi dinamiki. M.: URSS, 2010. 144 s.
6. Kostina A.V. Traditsionnaya, elitarnaya i massovaya kul'tury. Kontseptual'nye podkhody k issledovaniyu. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-233993.html> (data obrashcheniya: 21.07.2016).
7. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 24. Sentyabr' 1913 – mart 1914. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1973. 568 s.
8. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 35. Oktyabr' 1917 – mart 1918. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1974. 600 s.
9. Lotman Yu.M. Sovremennost' mezhdru vostokom i zapadom // Znamya. 1997. № 9. URL: <http://philology.ru/literature2/lotman-97.htm> (data obrashcheniya: 21.07.2016).
10. Pron'kina A.V. Fenomen massovoi kul'tury v dissertatsionnykh issledovaniyakh (2000-2015 gg.): bibliometricheskii analiz // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2016. Vyp. № 4. S. 127-129.
11. Stalin I.V. Ob osnovakh leninizma // Stalin I.V. Soch. T. 6. M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoi literatury, 1947. S. 69-188. URL: http://www.great-country.ru/content/lib/stalin_sobr/6-14.htm (data obrashcheniya: 21.07.2016).
12. Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshogo professional'nogo obrazovaniya dlya napravleniya podgotovki 033000 «Kul'turologiya» (uroven' bakalavriata). Utverzhen prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF № 71 ot 25 yanvarya 2010 g.